

Генеральным секретарем ЦК КПСС программы уничтожения ядерного и всех видов оружия массового уничтожения, предотвращения военной опасности.

Мы ведем разговор в кругу наших единомышленников и союзников. Это - честный, откровенный, доверительный разговор. Со всей искренностью хочу сказать: ни в день принятия этого непростого переломного решения, ни в минувшие месяцы напряженной работы по разъяснению наших предложений мы не питали иллюзий по поводу первоначальной реакции Запада.

Наша вера в реальность безъядерного плана основана на уверенности в том, что военно-стратегический паритет мы сможем удержать при любом развитии обстановки. Это имеет принципиальное значение.

Путь к освобождению Земли от ядерного оружия предстоит долгий и очень трудный, но у нас есть выдержка, терпение, политическая воля и энергия, чтобы пройти этот путь до конца.

Сейчас же мы находимся лишь в самом начале его.

Хотя сегодня основные западные оппоненты неразумно глухи к нашим предложениям, мы надеемся, что рано или поздно политический реализм продиктует более взвешенные и гибкие подходы.

Мы знаем, что мыслим и действуем в унисон с большинством человечества. И мы видим сегодня, что выдвинутая на XXУП съезде программа, включая конкретный план поэтапного ядерного разоружения, становится материальной силой, порождает новую психологическую атмосферу и политическую ситуацию.

Я говорил, выступая на XXУП съезде, и хотел бы повторить это здесь: мысли, изложенные в Заявлении тов. Горбачева М.С. рождались в ходе товарищеского диалога советского руководства с лидерами братских государств, они выражают согласованное мнение нашего со-

дружества. И нас воодушевляет, что эта радикальная и вместе с тем реалистическая программа, полностью идущая в русле Пражской декларации, Заявления софийского совещания ПКК, воспринята государствами-участниками Варшавского Договора как главное общее направление внешнеполитической деятельности.

В этой связи я хотел бы подчеркнуть возрастающее значение политического сотрудничества государств нашего союза. Эта сторона деятельности Варшавского Договора всегда имела основополагающее значение, самым тесным образом сочеталась с его функционированием как оборонительного щита братского содружества, гаранта нашей общей безопасности. Так будет и впредь. Вместе с тем, как представляется, в нынешних конкретных условиях нам следовало бы обратить внимание на совершенствование форм и методов нашего политического сотрудничества, придавая ему больший динамизм, повышая эффективность нашей совместной работы. Это, можно сказать, веление времени. Оно вытекает из реальностей сегодняшнего дня и основанного на этих реальностях фундаментального вывода о том, что подлинная безопасность в ядерный век и в мире без ядерного оружия, к которому мы в конечном счете придем, может быть обеспечена лишь исключительно политическими средствами. В этих условиях и наше политическое взаимодействие в рамках Варшавского Договора становится более чем когда либо фактором укрепления международной безопасности.

Все мы знаем, что даже самые хорошие идеи далеко не адекватны хорошей политике. Чтобы перевести инициативу в разряд политики, надо ее "ставить на колеса", оснащать мотором практической реализации.

Мы учитываем это, приступая к борьбе за продвижение концепции безъядерного мира.

При этом надо постоянно исходить из того, что борьба ведется ради достижения конкретной практической цели — ликвидации ядерного и химического оружия, недопущения гонки вооружений в космосе, перехода к невоенным способам обеспечения безопасности.

Вроде бы очевидная вещь, но нам в нашей практической политике особенно важно определиться, как действовать. Скажем, сделать акцент на работе с мировой общественностью с расчетом на то, чтобы, подняв ее, влиять на позиции правительств. Борьба за мировое общественное мнение, за умы и сердца людей выдвигается сейчас на передний план нашей политики.

Одновременно упор следует делать на диалог с правительствами западных стран и не только западных.

Важная задача сейчас, по нашему мнению, — оперативно разоблачать контраргументы Запада. В одних случаях здесь требуется подбор соответствующих доводов и доказательств, в других — дополнительная проработка позиций, уточнение формулировок, проявление тактической гибкости.

Попробую проиллюстрировать.

Скажем, американцы сейчас разыгрывают сцены неудовольствия по поводу того, что мы в контексте решения проблемы ядерных ракет средней дальности ставим вопрос о передаче той же Англии ядерных вооружений. Но ведь в Договоре ОСВ-2, который американская сторона пока формально соблюдает, содержится положение о его необходимости, что как раз и означает запрещение таких действий, т.е. запрещает передачу ядерного оружия.

Без этого положения установление ограничений на ядерные силы сторон имеет мало смысла. Представим себе гипотетическую ситуацию: наши отношения, допустим, с Китаем улучшаются, и мы передаем ему

несколько сотен современных стратегических ракет. Как на это посмотрели бы американцы? Думаю точно так же, как мы смотрим на передачу ими ядерных вооружений Англии.

Или такой пример.

Западники возмущаются тем, что мы ставим вопрос о ядерных силах Англии и Франции, их количественном, подчеркиваю - количественном - неувеличении. При этом основной аргумент - "незначительность" этих сил. Но молчат, когда спрашиваешь, будут ли эти силы по-прежнему незначительными, если Советский Союз и Соединенные Штаты Америки произведут сокращения до 6 тысяч боезарядов, а Англия и Франция нарастят свои ядерные вооружения до 1200 боеголовок.

Истати, ни Англия, ни Франция до сих пор не сделали четкого заявления о том, что они будут готовы полностью ликвидировать свое ядерное оружие. В то же время в Лондоне и Париже с большим вдохновением вычерчивают собственные графики ликвидации советских ядерных сил.

Несколько сложнее вопрос об обычных вооружениях. Разумеется, потребуется более детальная коллективная проработка этого вопроса в рамках нашей концепции безъядерного мира. Однако и здесь натовцы передергивают карты, продолжая играть на выдумке о том, что Восток якобы имеет огромное преимущество перед Западом. На самом деле это совсем не так, но, к сожалению, разоблачить лживость подобных утверждений мы пока не смогли, не научились.

На чем спекулируют наши противники? Создают и поддерживают впечатление, будто социалистические страны только и ждут того момента, когда не станет ядерного сдерживания, чтобы захватить Западную Европу. Дело доходит до фарса: ФРГ, имеющая огромную армию и самое современное оружие, предстает в роли такой сироты, которая больше всех

боится, что ее, мол, затопчут советские танки. А как раз по танкам, по самолетам у нас с НАТО в Европе полный паритет.

Наши государства, наши народы как никто другой пострадали от войны, и они вправе требовать надежных гарантий того, что в будущем им нечего опасаться и неядерной войны.

Наши предложения поставили Запад, надо сказать, в неуютное положение. Но там сейчас прибегают к такому приему: каждый прячется за спину другого. На деле же оказывается, что они готовы говорить лишь по одному единственному вопросу — о ракетах средней дальности, но с такими оговорками и ограничениями, что складывается впечатление: они вообще не хотят удаления этих ракет.

Именно в вопросе о ядерных ракетах средней дальности вырисовывается в целом очень неприглядная роль иных западноевропейских деятелей.

С учетом этого, видимо, было бы правильным резко активизировать нашу совместную работу с ними, добиваться, чтобы они занимали более четкие, реалистические позиции в вопросах взаимного разоружения.

Чтобы наши усилия в этом направлении были более эффективными, нам, как мы считаем, нужно будет наладить оперативную систему обмена информацией, рабочие консультации.

Важно, на наш взгляд, продолжать держать в активном политическом обороте вопрос о ядерных взрывах. Защищаться здесь американцам сейчас нечем. Они сами себя подвесили на крючок. Позу они, правда, пока держат, делают вид, что им безразлично, как они выглядят в глазах мирового общественного мнения.

Вы помните, в какой компании они оказались в Организации Объединенных Наций при обсуждении резолюций с требованиями прекратить проведение испытаний ядерного оружия. В трех случаях с ними были Англия